

А.И. Кирпичников, Н.В. Гоголь

**Полное собрание художественных
произведений**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.И. Кирпичников**
Полное собрание художественных произведений / А.И. Кирпичников, Н.В. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2014. – 606 с.

ISBN 978-5-517-99038-9

ISBN 978-5-517-99038-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Н. В. Гоголь.

(20 марта 1809 г.—21 февраля 1852 г.)

Пушкинъ и Гоголь, Гоголь и Пушкинъ—вотъ два имени, которыхъ не можетъ не знать грамотный русскій человѣкъ,—два имени, которыми въ одинаковой степени долженъ гордиться онъ, которыми можетъ и долженъ онъ утѣшать себя въ минуты безразсуднаго отчаянiя въ силахъ и способностяхъ своего народа. Эти два имени равно велики, равно знаменательны, но не въ одномъ и томъ же отношенiи. Пушкинъ — поэтъ *европейскiй, общечеловѣческiй*; конечно, иностранцы любятъ и цѣнятъ его не такъ, какъ мы, но только потому, что поздно узнали его, и потому, что онъ, какъ русскiй человѣкъ, все же ближе, понятнѣе русскимъ людямъ, какъ Шиллеръ всего ближе нѣмцамъ, Мольеръ — французамъ, Шекспиръ — англичанамъ; но дайте умному нѣмцу точный и красивый переводъ Пушкина, и онъ испытаетъ при чтенiи его никакъ не меньше наслажденiя, чѣмъ при чтенiи поэмъ Байрона.

Не то съ Гоголемъ. Онъ тоже, конечно, связанъ съ мiровой литературой, тоже учился у своихъ великихъ предшественниковъ и старшихъ современниковъ и тоже оказалъ черезъ своихъ послѣдователей влiянiе на всѣ образованные народы, но созданiя его, по оригинальности содержанiя и формы, крайне трудно даются пониманiю того, кто знаетъ только Западную Европу. Зато *русскую* жизнь Гоголь захватилъ съ самаго корня, *русскiй* характеръ изучилъ до самой глубины его и, любя Россiю всѣмъ сердцемъ, *русскимъ* недостаткамъ приклеилъ навѣки ярлыки, яркiе и мѣткiе до поразительности. Кто изъ насъ при именахъ Хлестакова, Коробочки, Ноздрева, Плюшкина, Собакевича не рисуетъ себѣ живыхъ людей? Кто не употребляетъ ихъ фамилiи, какъ всѣмъ понятныя прозвища? Трудно повѣрить, что этихъ людей никогда не было на свѣтѣ, что ихъ *выдумалъ* Гоголь. Да и въ самомъ дѣлѣ развѣ онъ ихъ *выдумалъ*? Нѣтъ, онъ ихъ взялъ прямо изъ русской жизни, гдѣ они были въ огромномъ множествѣ и не только были, но и теперь есть. Развѣ не Хлестаковъ этотъ молодой франтъ, готовый у всякаго встрѣчнаго просить взаймы безъ отдачи, готовый не обѣдать, только бы щегольнуть моднымъ сюртучкомъ предъ купеческою дочкою, который, попавъ въ общество попроще, смѣло несетъ такую околесицу, что вянуть уши, и, когда его поймаютъ, оправдывается еще болѣе наивнымъ и наглымъ враньемъ? А эта милая старушка, которой ничего не растолкуешь, какъ говорится — хоть колъ ей на головѣ теши, которая, при всей своей осторожной скаредности, непременно попадетъ на удочку мошеннику, прельщающему ее легкой наживой, развѣ это не Коробочка? А этотъ бѣднякъ-миллионеръ, отказывающiй себѣ и другимъ въ чашкѣ чаю и трясущiйся на морозѣ въ ожиданiи конки, чтобы не истратить лишнихъ

15 коп. на извозчика,—развѣ это не Плюшкинъ?—Все это *тины*, воссозданные Гоголемъ на основаніи глубокаго пониманія *русской* жизни.

Кромѣ гениальнаго воспроизведенія нашей жизни и характеровъ русскаго общества: чиновниковъ, помѣщиковъ, кунцовъ, барынь, Гоголь совершилъ еще другое великое дѣло, котораго до него почти никто и не пытался дѣлать.

Русскій народъ, какъ и всякій народъ, играющій видную роль въ исторіи, сложился изъ многихъ элементовъ, изъ многихъ племенъ. Но *главныхъ* составныхъ частей въ немъ двѣ; *главнымъ* образомъ его составили два племени, одинаково способныя и одинаково историческія, взаимно дополняющія другъ друга; это дѣловитые, энергичные, закаленные въ борьбѣ съ своею суровой природой великороссы и мечтательные, пѣвучіе, болѣе мягкіе и впечатлительные малороссы. До Гоголя наша литература была почти исключительно великорусскою; Гоголь съ любовью и въ то же время съ полной правдивостью живописалъ Малороссію. Такимъ образомъ онъ способствовалъ разрѣшенію великой исторической задачи: взаимному пониманію и благодѣтельному объединенію двухъ половинъ русскаго народа.

Почему громадный талантъ Гоголя принялъ именно такое направленіе и какими средствами онъ достигъ своихъ цѣлей, должна объяснить его біографія и очеркъ его литературной дѣятельности.

Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій род. 20 марта 1809 г. въ мѣстечкѣ Сорочинцѣ, въ Полтавской губерніи. По отцу онъ происходилъ изъ стариннаго малороссійскаго рода, пользовавшагося значеніемъ уже при Хмѣльницкомъ. Въ смутныя времена Гоголя перешли было въ ряды польской шляхты, но потомъ вернулись къ православію. Одинъ изъ предковъ поэта, Янъ Гоголь, передалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ прибавку: Яновскіе. Родной дѣдъ поэта Аѳанасій (съ котораго Гоголь впоследствии взялъ кое-что для своего Аѳанасія Ивановича въ повѣсти «Старосвѣтскіе помѣщики») учился въ Кіевской академіи и занималъ должность полковаго писаря. Сынъ его Василій Аѳанасьевичъ не получилъ большаго образованія, но былъ человѣкъ очень начитанный и литературный и легко писалъ стихи. Служилъ онъ недолго и потомъ жилъ при родителяхъ, исполняя ихъ немудренныя порученія. 27 лѣтъ отроду онъ счастливо влюбился въ барышню сосѣдку, Марью Ивановну Косяровскую (тоже изъ образованнаго семейства), писалъ ей чувствительныя письма и въ 1808 г., съ согласія своихъ и ея родителей, женился на ней. Молодые поселились въ своей деревнѣ Васильевкѣ и жили согласно и счастливо. Николай Гоголь былъ старшимъ ихъ сыномъ и, конечно, баловнемъ всей семьи. Это обстоятельство имѣло и хорошую и дурную сторону; нѣжность окружающихъ давала возможность свободно развиваться его недюжиннымъ способностямъ, но баловство ихъ вселяло въ ребенка самоувереніе и нѣкоторый эгоизмъ; самъ Гоголь впоследствии пишетъ объ этомъ времени матери: «Я ничего сильно не чувствовалъ, глядѣлъ на все, какъ на вещи, созданныя для того, чтобы угождать мнѣ. Никого я особенно не любилъ, выключая только васъ, и то только потому, что сама натура вдохновила это чувство».

Отецъ поэта, ставши главою дома, не сдѣлался бариномъ: онъ оставался всю жизнь мягкимъ, уступчивымъ человѣкомъ, большимъ любителемъ поэзіи, садоводства и красотъ природы и не очень искуснымъ и твердымъ хозяиномъ; помнить только одинъ случай, гдѣ онъ настойчиво проявилъ свою волю: онъ не позволялъ полоскать на пруду бѣлье, чтобы не отогнать соловьевъ изъ сада. Жена его, вышедшая замужъ почти дѣвочкой, оказалась женщиной очень неглупой и глубоко религіозной, но тоже не особенно практичной. Хозяйство шло не блистательно; зато литературныя интересы не оскудѣвали въ скром-

помѣ помещичьемъ домикѣ, владѣтель котораго во всемъ околоткѣ славился, какъ прекрасный разсказчикъ малороссійскихъ анекдотовъ и преданій. Въ то время педалеко отъ Васильевки, въ своемъ имѣнн Кибинцахъ, поселился на покой бывшій министръ, старый вельможа Трощинскій; красивый домъ его, великолѣпно отдѣланный и наполненный всеми предметами искусства и роскоши, скоро сдѣлался сборнымъ мѣстомъ для окрестныхъ помѣщиковъ и заѣзжихъ гостей. Василій Аѳанасьевичъ Гоголь былъ въ родствѣ съ Трощинскимъ и, благодаря своимъ литературнымъ талантамъ, пользовался его особымъ благоволеніемъ. Около этого времени въ малороссійскомъ обществѣ начинается пробуждаться интересъ къ поэзіи на родномъ нарѣчій, въ особенности къ малороссійскимъ шутливымъ пьесамъ съ нѣпьемъ, въ родѣ «Наталки-Полтавки» Котля-



Сорочинцы. Домъ, въ которомъ родился Н. В. Гоголь.

ревскаго. Въ Кибинцахъ былъ домашній театръ, и Василій Гоголь сочинилъ для него нѣсколько шутливыхъ пьесъ и самъ же поставилъ ихъ. Проживая подолгу въ Кибинцахъ, онъ бралъ туда съ собою всю свою семью, и будущій поэтъ получилъ тамъ много сильныхъ впечатлѣній и отъ театра, и отъ картинъ, и отъ общества умныхъ людей, а созерцаніе величественнаго Трощинскаго, который вышелъ изъ бѣдныхъ людей и передъ которымъ теперь все преклонялось, какъ передъ благодѣтелемъ Малороссіи, возбудило честолюбіе самомнительнаго ребенка.

Николай Гоголь учился сперва у наемнаго семинариста; потомъ его вмѣстѣ съ его младшимъ братомъ Иваномъ отравили въ Полтаву къ учителю гимназіи; когда мальчики на каникулы вернулись домой, Ваня заболѣлъ и умеръ, послѣ чего *Никоша*.— такъ звали дома будущаго поэта — нѣкоторое время жилъ въ Полтавѣ одинъ. Въ 1820 г. въ г. Нѣжинѣ, на средства кн. Безбо-

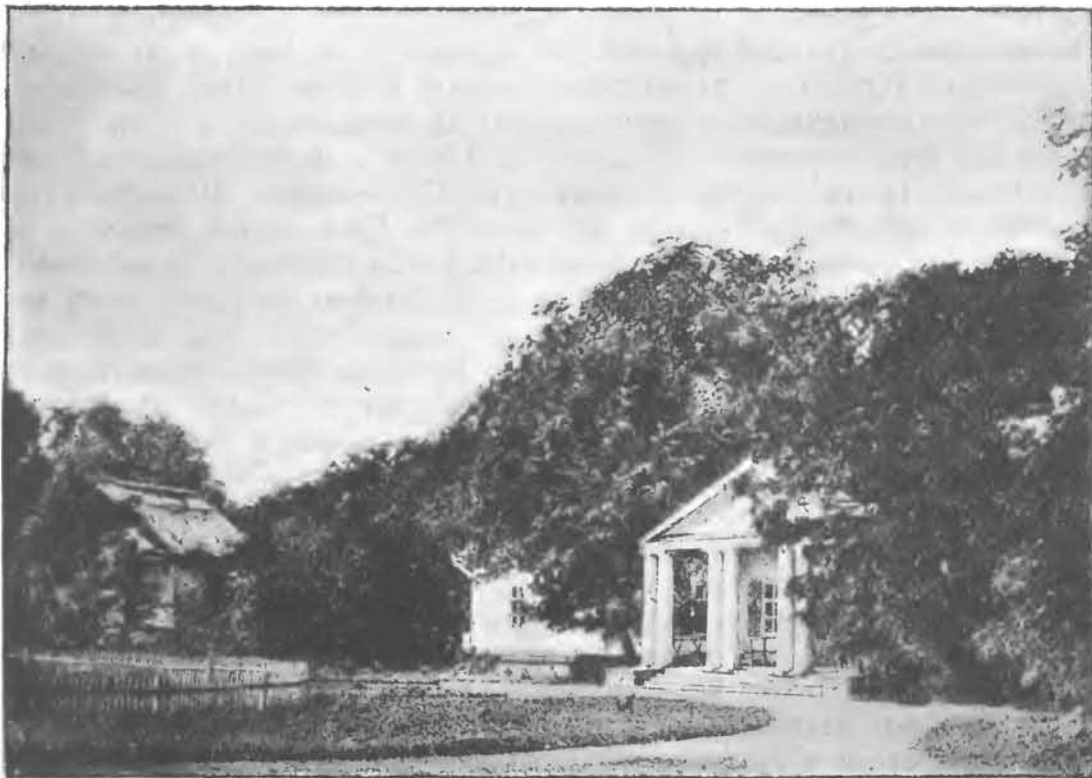
Юдки, была открыта для дѣтей мѣстнаго дворянства «гимназія высшихъ наукъ». Въ маѣ 1821 г. Николай Гоголь былъ отвезенъ въ Нѣжинъ и принятъ въ 2-е отдѣленіе, несмотря на плохую подготовку. Онъ поступилъ сперва своекоштнымъ ученикомъ, а потомъ принятъ въ число казеннокоштныхъ пансіонеромъ.

Въ «гимназіи высшихъ наукъ» программа была широкая: она обнимала и часть университетскаго курса; но исполнялась она довольно поверхностно, и воспитанники не смѣли даже свободно читать по-французски и по-нѣмецки, хотя на новые языки обращалось особое вниманіе. Зато ученики и въ своихъ *музеляхъ* — такъ назывались ихъ залы для отдыха — и въ огромномъ гимназическомъ саду пользовались значительною свободою, и кто хотѣлъ серьезно заниматься, имѣлъ къ тому и досугъ и нужныя пособія.

Въ первые два года своего пребыванія въ «гимназіи» Гоголь ничѣмъ особеннымъ не выдѣлялся изъ среды товарищей. Это былъ болѣзненный, золотушный мальчикъ, скучавшій по родному хутору, не особенно общительный съ товарищами (которые за то и прозвали его «таинственный карла») и не очень усердный въ классахъ. Позднѣе, когда ученики вздумали занимать свое свободное время театральными представленіями, онъ выдвинулся впередъ, какъ отличный актеръ на комическія роли и даже какъ находчивый и ловкій устроитель представленій. Тогда же, отчасти подъ вліяніемъ отца, который извѣщалъ его о литературныхъ новинкахъ, у него стала проявляться большая охота къ чтенію. Въ апрѣлѣ 1825 г. отецъ Гоголя, всегда болѣзненный и крайне мнительный, скончался 44 лѣтъ отроду, и 16-лѣтній юноша сталъ какъ бы главой семьи. Въ это время его способности развернулись; у него проявилась удивительная наблюдательность и остроуміе; прозвища, которыя давалъ онъ товарищамъ, отличались удивительною мѣткостью; смѣшныя стороны учителей и воспитателей воспроизводилъ онъ превосходно; онъ не столько копировалъ, сколько *угадывалъ* челоуѣка: представлялъ не то, что челоуѣкъ дѣлалъ, а то, что онъ *долженъ* былъ дѣлать въ извѣстныхъ условіяхъ. Онъ съ охотой занимается исторіей, рисованіемъ и особенно словесностью. Даже въ письмахъ къ матери онъ явно заботится о красотѣ и силѣ слога и часто находитъ удачныя и красивыя выраженія; онъ вмѣстѣ съ товарищами издаетъ рукописные журналы, гдѣ пишетъ и стихами и прозой. Онъ ведетъ записную книжку, куда усердно вноситъ и народные анекдоты, и любопытные документы, и интересныя мысли, и даже словечки. Онъ такъ любитъ чтеніе, что беретъ на себя обязанность бібліотекаря общественной бібліотеки журналовъ и книгъ, которые гимназисты выписывали въ складчину, строго наблюдаетъ за исполненіемъ ея устава и, чтобы читатели не пачкали и не мусилили листовъ, собственноручно завертываетъ каждому изъ нихъ въ бумажку указательный и большой пальцы. Его классныя сочиненія, написанныя красивымъ, по модѣ того времени *высокимъ* слогомъ, заслуживаютъ одобренія проф. Никольскаго, но въ литературныхъ вкусахъ профессоръ и его ученикъ сильно расходятся. Это было любопытное время въ томъ отношеніи, что тогда гимназисты знали по литературѣ больше, чѣмъ ихъ преподаватели: послѣдніе остановились на Ломоносовѣ и Державинѣ и много-много что на Карамзинѣ, а ученики знали наизусть и Жуковскаго, и Козлова, и Пушкина. Надъ Никольскимъ, не слѣдившимъ за новой литературой, Гоголь и его товарищи подшучивали иногда довольно ядовито, подсовывая ему, какъ свои «опыты», стихотворенія великихъ современныхъ поэтовъ, и тотъ добродушно поправлялъ ихъ и писалъ свое заключеніе: *изряднехонько*.

Съ конца 1827 г. Гоголь начинаетъ усердно готовиться къ послѣднему экзамену, искренно жалѣеть, что такъ мало и плохо занимался прежде, и на-

дѣется въ полгода пополнить все пробѣлы въ своихъ знаніяхъ. Въ это время Гоголь былъ очень высокаго мнѣнія о своихъ силахъ, терпѣніи и способностяхъ; онъ еще самъ не зналъ, на какомъ поприщѣ онъ приобрететъ извѣстность; государственная служба, литература, театръ представляются ему одинаково открытыми; но мысль о томъ, что онъ можетъ сойти съ жизненной сцены, не оставивъ по себѣ замѣтнаго слѣда, приводитъ его въ ужасъ; людей, которые мирятся на скромной долѣ провинціального чиновника, офицера, сельскаго хозяина и мечтаютъ только объ личныхъ удовольствіяхъ, онъ называетъ *существователями* и глубоко презираетъ ихъ. Онъ мечтаетъ о Петербургѣ и даже о продолжительномъ заграничномъ путешествіи. Онъ знаетъ, что ему придется много претерпѣть и много потрудиться; но онъ увѣренъ, что, въ концѣ-концовъ, онъ одолѣетъ все препятствія. Къ большинству людей онъ



Яновщина. Домъ Н. В. Гоголя (уже несуществующій).

относится насмѣшливо и крайне недовѣрчиво, но немногимъ избраннымъ открываетъ всю свою душу, до самыхъ сокровенныхъ уголковъ ея. Онъ великодушно отказывается въ пользу матери и сестры отъ своей доли наслѣдства, а въ то же время ужасно любитъ фантить и мечтаетъ о первомъ петербургскомъ портномъ! Но не забудемъ, что ему въ это время всего 19 лѣтъ.

Въ концѣ іюня 1828 г. Гоголь кончилъ экзамены и былъ выпущенъ по 3-му разряду. Отдохнувъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Васильевкѣ и побывавъ у Трошинскаго, онъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ и родственникомъ Данилевскимъ въ декабрѣ отправился въ Петербургъ.

Столица встрѣтила молодого малоросса довольно непривѣтливо: во-первыхъ, онъ простудился при самомъ вѣздѣ въ нее и принужденъ былъ сидѣть дома въ то время, какъ его спутникъ знакомился съ городомъ; во-вторыхъ, неопытные провинціалы съ своими толстыми кошельками не умѣли устроиться и не

Х

мало потерпѣли отъ разныхъ столичныхъ обманщиковъ. Это бѣдствіа почти обычныя для всякаго пріѣзжаго. Но съ болѣзненно-самолюбивымъ Гоголемъ случилось и нѣчто худшее: его разнообразныя таланты и энергія оказались, повицимому, здѣсь непримѣнны, и онъ испыталъ цѣлый рядъ неудачъ. Несмотря на рекомендательныя письма Трошинскаго, онъ не могъ такъ скоро, какъ ему хотѣлось, получить мѣсто по службѣ; онъ заявилъ театральному начальству о своемъ желаніи поступить на сцену и былъ испытанъ въ кабинетѣ директора, въ присутствіи двухъ актеровъ; но впечатлѣніе отъ его читки оказалось настолько слабо, что онъ самъ замѣтилъ это и за отвѣтомъ уже не являлся. Но самое главное разочарованіе ждало его на литературномъ поприщѣ. Еще въ 1827 г. въ Нѣжинѣ тайно отъ товарищей и близкихъ людей онъ началъ писать идиллическую поэму «Гансъ Кюхельгартенъ», обработалъ ее, какъ могъ лучше, и въ іюнѣ 1829 г. напечаталъ отдѣльной книжкой на свой счетъ, разослалъ по редакціямъ, роздалъ книгопродавцамъ на комиссію и ждалъ покупателей и славы. Но покупателей не было; а въ журналѣ «Московскій Телеграфъ», къ мнѣніямъ котораго особенно чутко прислушивалась литературная молодежь того времени, въ томъ числѣ и самъ Гоголь, появилась суровая рецензія редактора Н. Полевого, и, наконецъ, въ самой вліятельной газетѣ «Сѣверной Пчелѣ» (№ 87, 20 іюля) былъ напечатанъ краткій, но рѣшительный отзывъ, признававшій Ганса пьесой незрѣлой, необдуманной и необработанной¹⁾. Огорченный Гоголь отправился по магазинамъ, отобралъ книжку и сжегъ своего Ганса до послѣдняго экземпляра, послѣ чего никогда и никому не говорилъ о немъ.

Несмотря на всю свою душевную силу, Гоголь на время потерялъ почву подъ ногами и въ концѣ іюля, неожиданно для матери, уѣхалъ на пароходѣ въ Любекъ, сославшись на какую-то безнадежную любовь и воспользовавшись деньгами, присланными изъ деревни на уплату процентовъ въ опекунскій совѣтъ за заложенное имѣніе. Онъ имѣлъ намѣреніе пробыть за границей нѣсколько лѣтъ; но скоро одумался: вернулся черезъ нѣсколько недѣль, и поспѣшилъ поступить на первое попавшееся казенное мѣсто, чтобы успокоить мать, а для будущей извѣстности въ тиши своей комнатки продолжалъ свои литературныя труды. Еще до поѣздки за границу, замѣтивъ, что публику начинаютъ интересоваться все малороссійское, Гоголь мечталъ поставить на сцену пьесы покойнаго отца и настойчиво просилъ мать и родныхъ высылать ему малорусскія пѣсни и преданія, доставлять ему свѣдѣнія о народныхъ обы-

¹⁾ Содержаніе поэмы таково: въ скромной нѣмецкой деревнѣ, на берегу моря, живутъ двое молодыхъ людей, съ дѣтства любящіе другъ друга: внучка пастора, дочь мызника, красавица Луиза и сосѣдъ ея родителей, Гансъ Кюхельгартенъ; Гансъ искренно привязанъ къ Луизѣ, но усердное чтеніе возбудило въ немъ неудержимое желаніе видѣть отдаленныя страны (Грецію и Востокъ) и *отнѣтитъ* свое *существованіе*. Въ душѣ его происходитъ тяжелая борьба, вслѣдствіе которой онъ бродитъ одинокій и печальный и тѣмъ внушаетъ Луизѣ подозрѣніе, — не разлюбилъ ли онъ ея? Наконецъ Гансъ тайно покидаетъ родину, оставивъ Луизѣ записку. Луиза томится и груститъ, но остается вѣрна своей любви, а Гансъ, разочаровавшись въ своихъ мечтахъ (читатели узнаютъ только, какое тяжелое впечатлѣніе произвели на него разрушенныя, подвластныя туркамъ Аѳины) и въ людяхъ черезъ два года, измученный и печальный, возвращается на родину. Убѣдившись, что Луиза любитъ его попрежнему, онъ оживаетъ тѣломъ и душой; поэма оканчивается описаніемъ веселой свадьбы героевъ.

За авторомъ нельзя не признать силы воображенія (что отмѣтила и критика) и въ языкѣ его—оригинальности и смѣлости; но стихъ поэмы неправиленъ и слабъ. Будущаго Гоголя напоминаетъ, кромѣ отдѣльныхъ выраженій, только яркое описаніе нѣкоторыхъ подробностей обыденной жизни.

чаяхъ, вѣрованіяхъ, одеждахъ и пр. Просьба его, разумѣется, не встрѣтила отказа; матеріалу получилоеь достаточно, и Гоголь, пользуясь имъ, создаетъ свой первый оригинальный рассказъ: «Бисаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала. Малороссійская новѣсть (изъ народнаго преданія), рассказанная дьячкомъ Покровской церкви».

«Бисаврюкъ» былъ принятъ редакціей «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина и напечатанъ (безъ имени автора) въ февральской и мартовской книжкахъ за 1830 г., но съ довольно значительными и большею частію неудачными поправками.

Въ апрѣлѣ того же года Гоголю удалось получить нѣсколько лучшее казенное мѣсто (въ департаментѣ удѣловъ); работая утромъ по службѣ, онъ послѣ обѣда занимается живописью въ Академіи Художествъ, а дома продолжаетъ свои литературныя занятія, результаты которыхъ подъ разными подписями помѣщаетъ въ изданіяхъ барона Дельвига: «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и «Литературной газетѣ»; въ № 4 (за 1831 г.) подъ статьею «Женщина» появляется въ первый разъ въ печати имя Гоголя.

Баронъ Дельвигъ, товарищъ по лицю и другъ Пушкина, былъ истинный поэтъ въ душѣ, умный и очень добрый человекъ. Онъ замѣтилъ талантъ и вкусъ въ юномъ малороссѣ и познакомилъ его съ Жуковскимъ, который самымъ теплымъ образомъ рекомендовалъ его вліятельному въ высшихъ сферахъ проф. Плетневу; тотъ, тоже восхитившійся талантомъ и направленіемъ Гоголя, доставилъ ему нѣсколько частныхъ уроковъ въ лучшихъ домахъ Петербурга, а потомъ мѣсто учителя исторіи въ Патриотическомъ институтѣ для дѣвицъ, и при этомъ рѣшилъ непременно «подвести молодого писателя подъ благословеніе Пушкина», который собрался въ это время переѣзжать въ Петербургъ.

Вотъ когда счастье повернулось лицомъ къ Гоголю, благодаря его энергіи! Онъ прекрасно сознаетъ это и чувствуетъ себя необыкновенно бодрымъ, веселымъ и добрымъ. 10 февраля 1831 г. онъ пишетъ матери и сестрамъ: «Мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше: все поселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами... Какъ благодарю я вышнюю Десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ! Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть... Мысль моя всегда съ вами. За чайнымъ столикомъ, за обѣдомъ я невидимкой сижу между вами, и если вамъ весело слишкомъ бываетъ, это значитъ, что я втерся въ кругъ вашъ, и потому, если вы хотите побольше бесѣдовать и быть со мною, вы должны непременно побольше веселиться». Въ такомъ настроеніи духа Гоголь пишетъ свои «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки».

Въ маѣ этого же 1831 года Гоголь познакомился съ Пушкинымъ, и все лѣто, когда въ Петербургѣ печаталась его первая книга, онъ прожилъ въ ближайшемъ общеніи съ Пушкинымъ и Жуковскимъ, которые ввели его въ общество нѣсколькихъ умныхъ фрейлинь и въ томъ числѣ А. О. Росеттъ (впоследствии Смирновой).

Въ сентябрѣ появилась 1-я часть «Вечеровъ на Хуторѣ»¹⁾, которая на всѣхъ людей со вкусомъ произвела чрезвычайно благопріятное впечатлѣніе и сразу сдѣлала своего автора литературной знаменитостью. Вотъ что писалъ

¹⁾ Она заключала въ себѣ: Предисловіе. Сорочинскую ярмарку. Вечеръ наканунѣ Ивана Купала, Майскую ночь или утопленницу и Пропадающую грамоту.

Пушкинъ объ этихъ разсказахъ: «Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманности, безъ чопорности, а мѣстами *какая поэзія, какая чувствительность!* Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумлюсь».

А вотъ что не безъ иноподобнаго чувства самодовольствія разсказываетъ самъ Гоголь въ письмѣ къ Пушкину: «Любопытнѣ всего было мое свиданіе съ типографіей: только что я просунулся въ двери, наборщики, за видя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнѣ. Это меня нѣсколько удивило; я—къ фактору, и онъ послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ, сказалъ, что «штучки, которыя вы изволили прислать изъ Павловска для печатанія, оченно до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву».

Такимъ образомъ и царь русской литературы и малограмотные наборщики были въ восторгѣ отъ книжки Гоголя: съ удовольствіемъ читали ее и въ петербургскихъ дворцахъ. Довольна была ею и вся читающая Россія, судя по тому, что первое изданіе этой 1 части, несмотря на высокую цѣну, разошлось въ 4 мѣсяца, и ко времени выхода 2-й части, въ февралѣ 1832 г. ¹⁾ 1 пришлось допечатывать. Похвальные отзывы «Сѣверной Пчелы» и «Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду» разнесли ея славу въ самые отдаленные уголки Россіи и Малороссіи, и легко себѣ представить, какое отрадное дѣйствіе произвели въ послѣдней веселые и поэтическіе разсказы Рудаго Панька. Такимъ образомъ общепольное дѣло, о которомъ Гоголь мечталъ еще гимназистомъ, было благополучно начато, и жизнь его, очевидно, не пройдетъ безслѣдно; *существователемъ* онъ не будетъ. Крупный человекъ отъ зауряднаго рѣзко отличается въ двухъ случаяхъ: въ моменты высшаго несчастья и высшаго счастья; когда заурядный окончательно падаетъ духомъ, навсегда отказывается отъ мечтаній и ищетъ только покоя, крупный работаетъ съ усиленной энергіей и ни за что не хочетъ мряться съ печальной судьбою своею и, въ концѣ-концовъ, разумѣется, побѣждаетъ всѣ препятствія. Въ первые два года петербургской жизни Гоголь проявилъ свою силу въ несчастіи; теперь предстояло ему еще болѣе трудное дѣло: не успокоиться на первомъ крупномъ успѣхѣ и идти энергично впередъ по избранному поприщу. Онъ блистательно выдержалъ и этотъ второй, важнѣйшій жизненный экзаменъ. Не прошло и года послѣ выхода въ свѣтъ 2 части его расхваленной книги, она уже кажется ему недостойною вниманія. 1 февраля 1833 г. онъ пишетъ одному изъ своихъ пріятелей (М. П. Погодину): «Вы спрашиваете объ «Вечерахъ Диканьскихъ»?—*Чортъ съ ними. Я не издаю ихъ. И хотя денежныя пріобрѣтенія были бы не лишнія для меня, но писать для этого,—прибавлять сказки!*.. Никакъ не имѣю таланта заняться спекулятивными оборотами. Я даже позабылъ, что я творецъ этихъ «Вечеровъ», и вы только напомнили мнѣ объ этомъ».

Въ этихъ словахъ есть, конечно, нѣкоторая доля преувеличенія, и самъ же Гоголь впоследствии внесъ «Вечера» почти безъ передѣлокъ въ собраніе своихъ сочиненій, но несомнѣнно, что онъ низко цѣнилъ первую свою книжку сравнительно съ послѣдующими.

Также думаемъ и мы, потомство; тѣмъ не менѣе, намъ было бы страшно обидно, если бъ мы почему-нибудь лишились этихъ чудно-поэтическихъ, веселыхъ, жизнерадостныхъ *сказокъ*, какъ ихъ презрительно называетъ авторъ:

¹⁾ Она заключала въ себѣ: Предисловіе, Ночь передъ Рождествомъ, Страшную жисть, Ивана Фодоровича Шпоньку и Заколдованное мѣсто.

помимо ихъ внутреннихъ достоинствъ, помимо того, что онѣ открыли въ свое время русскому обществу цѣлую страну съ интереснымъ народомъ и дали нашей литературѣ могучій толчокъ въ новомъ, плодотворномъ направленіи, онѣ драгоценны для насъ потому, что объясняютъ процессъ творчества Гоголя и громадность его производительной силы.

Возьмемъ для примѣра одну изъ этихъ сказокъ: «Ночь передъ Рождествомъ». Въ основу ея Гоголь положилъ малорусскую сказку о веселомъ кузнецѣ Яремкѣ, который всячески унижалъ и позорилъ чорта и за то подвергся отъ него большой опасности, но благополучно освободился отъ нея и наказалъ чорта еще чувствительнѣе. Гоголь воспользовался также и другими народными вѣрваніями (о летаніи вѣдьмъ, о похищеніи ими звѣздъ) и анекдотами (о любов-



А. С. Пушкинъ у Н. В. Гоголя.

пкахъ, посаженныхъ въ мѣшки, и пр.), но чудныя картины зимней ночи, колядокъ, добродушный влюбленный Вакула, легкомысленно-кокетливая, но способная къ глубокому чувству Оксана, ея туповатый, упрямый родитель, его равнодушный кумъ, масса смѣшныхъ лицъ и событій, гениально смѣлая мысль перенести читателя мгновенно изъ малороссійскаго села во дворецъ Екатерины и вся живая, игривая фабула, такъ остроумно и благополучно заканчивающаяся, — все это бессмертное созданіе самого Гоголя, проявленіе творческаго генія, какіе рождаются вѣками.

Послѣ выхода въ свѣтъ «Вечеровъ» дѣятельность Гоголя распадается на два отдѣла: какъ преподаватель исторіи, онъ талантливо, хотя и неровно, даетъ уроки, изучаетъ доступныя ему историческія сочиненія, готовитъ рядъ статей; какъ извѣстный литераторъ, онъ участвуетъ въ разныхъ предпріятіяхъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, кн. Одоевскимъ и др. Слава его ширится и крѣпнетъ. Въ 1832 г. проѣздомъ на родину (куда онъ поѣхалъ отдохнуть на лѣто) онъ

остановился въ Москвѣ, гдѣ сошелся съ профессорами Погодинымъ, Максимовичемъ, актеромъ Щепкинымъ, Сергѣемъ Аксаковымъ, которые сразу сдѣлались его близкими друзьями и поклонниками, болѣе горячими и искренними, чѣмъ большинство петербуржцевъ. Да и самъ Гоголь теплѣе и проще относился къ москвичамъ, чѣмъ къ петербуржцамъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Пушкина, на котораго онъ смотрѣлъ съ благоговѣніемъ, какъ на великаго учителя. Новые пріятели такъ поправились Гоголю, что онъ захватилъ въ Москву и на обратномъ пути изъ Васильевки. Хотя онъ ѣхалъ не одинъ, а съ двумя маленькими сестрами, которыхъ онъ везъ въ Петербургъ для помѣщенія въ Патриотическій институтъ.

Тяжесть пережитыхъ испытаній въ это время сказывалась въ Гоголѣ необычной въ такіе юные годы практичностью, изрѣдка поклонностью поважничать, похвастать умомъ и положеніемъ и иногда болѣзненной обидчивостью и мнительностью относительно здоровья, въ самомъ дѣлѣ малонадежнаго; но въ общемъ онъ былъ въ ту пору веселый и добрый юноша: маленькія сестры, предоставленныя на его попеченіе, не могли нахвалиться его заботливостью и ласками; «рѣдкій у насъ былъ братъ», вспоминали онъ впоследствии: онъ смотрѣлъ за ними, какъ мать родная, и баловалъ ихъ, какъ любящая бабушка.

А съ своей родины, которая изъ столицы рисовалась ему въ такихъ радужныхъ краскахъ, Гоголь вывезъ на этотъ разъ довольно тяжелыя впечатлѣнія; съ благопріобрѣтенной въ Петербургѣ наблюдательностью онъ ясно увидѣлъ, какъ разорялись малороссійскіе помѣщики вслѣдствіе неумѣнья хозяйничать, какъ даровитый и добрый народъ, забывъ свое славное прошлое, коснѣлъ въ лѣни и невѣжествѣ, подъ гнетомъ безсовѣстныхъ чиновниковъ. Конечно, всѣ эти явленія существовали и прежде, но Гоголь не замѣчалъ ихъ. Теперь горькій опытъ умудрилъ его и состарилъ; въ 23 года онъ чувствовалъ себя совсѣмъ зрѣлымъ, почти пожилымъ человекомъ: онъ привыкъ всматриваться въ глубь явленій и людей и не обольщаться блестящей наружностью. Это очень ясно выразилось въ его новыхъ повѣстяхъ изъ малороссійской жизни, которыя онъ писалъ въ это время и издалъ немного позднѣе подъ названіемъ: «Миргородъ»,—повѣсти, служащія продолженіемъ «Вечеровъ на Хуторѣ близъ Диканьки». Всѣ эти четыре повѣсти (Старосвѣтскіе помѣщики, Тарасъ Бульба, Вій, Повѣсть о томъ, какъ поссорились...), несмотря на поразительное разнообразіе въ тонѣ и содержаніи, оканчиваются печально. Авторъ и теперь наклоненъ смѣяться и смѣшить читателей, но этотъ смѣхъ не похожъ на прежній—юношескій жизнерадостный; это тотъ смѣхъ глубокій, смѣхъ сквозь слезы, который критики называютъ юморомъ. Самую шутовскую изъ повѣстей «Миргорода», спосное чтеніе которой заставляетъ всѣхъ смѣяться до упаду, «Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», Гоголь оканчиваетъ печальной картиной грязной осени и еще болѣе печальнымъ восклицаніемъ: *Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!*

Очень скучно, грустно и печально, особенно если сравнить настоящее Малороссіи, когда правящій классъ ея представляютъ Довгочуны и Перерепенки, съ ея героическимъ прошлымъ, которое на страницахъ той же книжки изображено съ такимъ поэтическимъ воодушевленіемъ въ «Тарасъ Бульбѣ», нашей величайшей исторической поэмѣ въ прозѣ. «Старосвѣтскіе помѣщики» представляютъ современность съ наиболѣе симпатичной ея стороны, со стороны благодушія, гостепрѣимства и взаимной супружеской любви, а «Вій»—прошлое со стороны наименѣе симпатичной: жестокости нравовъ и ужасовъ коловства; но въ грубости прошлаго ясно сказывается мощь душевная, а въ добродѣтельныхъ Товстогубахъ—что-то слякотно-слабое и мелочно-материалистическое.